

ПЕРВЫЕ ДНИ ХРИСТИАНСТВА.

СОЧИНЕНІЕ

Ф. В. Фаррара,

доктора богословія, архидіакона и каноника вестминстерскаго и ординарнаго капеллана королевы великобританской.

Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія

А. П. ЛОПУХИНА.

Многосразлична премудрость Божія.
Ефес. III, 10.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

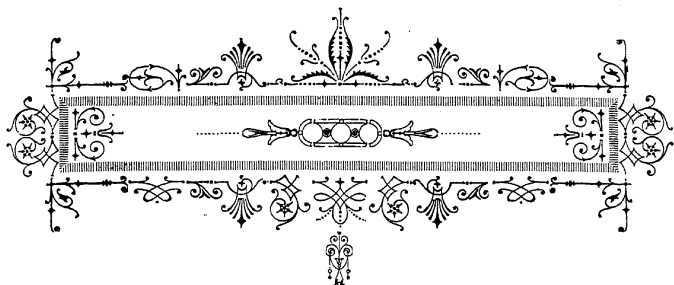
Изданіе книгопродавца И. Л. ТУЗОВА.

1888.

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать дозволяется. С.-Петербургъ, Юня 17 дня 1887 года.

Цензоръ Архимандритъ Тихонъ.

Типографіа Ѳ Елеонскаго и К^о. Невскій пр., д. № 134.

КНИГА ПЯТАЯ.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ СВ. АП. ІОАННА.

ГЛАВА XXIV.

Св. апостоль Іоаннь.

Ученикъ, котораго любилъ Іисусъ.

Іоан. xxi, 20.

УЗНАВЪ о благодати, данной мнѣ, Іаковъ, и Кифа, и Іоаннь, почитаемые столпами, подали мнѣ и Варнавѣ руку общенія, чтобы намъ идти къ язычникамъ, а имъ къ обрѣзаннымъ“. Такъ писалъ св. ап. Павелъ галатамъ въ одномъ изъ тѣхъ мѣстъ Нового Завѣта, которыя, имѣя глубокой личный интересъ, проливаютъ много свѣта на состояніе церкви во времена апостоловъ (Гал. i, 11—ii, 21). Неотъемлемымъ преимуществомъ церкви Христовой служить то, что мы обладаемъ писаніями каждаго изъ этихъ трехъ столповъ апостоловъ, равно какъ и писаніями того ново-посвященнаго апостола, на смѣлую самобытность котораго они склонны были смотрѣть съ тревогой, пока онъ вполнѣ не изложилъ предъ ними того взгляда на евангеліе, который былъ въ особенномъ смыслѣ „его благовѣстіемъ“¹⁾ и которое онъ получилъ „не чрезъ человѣка, но Іисусомъ Христомъ и Богомъ Отцемъ, воскресившимъ Его изъ мертвыхъ“²⁾. Мы такимъ образомъ получаемъ возможность видѣть евангеліе съ четырехъ сторонъ, какъ оно именно представлялось четыремъ лицамъ, изъ которыхъ хотя каждый въ особенной степени былъ озаренъ Духомъ Божиимъ, но въ то же

время и ограниченъ былъ личными условіями, потому что каждый изъ нихъ принялъ это сокровище въ бранный сосудъ. Умы отдѣльныхъ лицъ неизбежно различны. Индивидуальность каждаго чловѣка, его субъективность, его способность постигать истину, его способность выражать ее по необходимости имѣютъ у каждаго свой особый характеръ. Отсюда однѣ и тѣже истины, выражаемыя языкомъ чловѣческимъ,—должны у каждаго болѣе или менѣе отличаться извѣстною чловѣческою своеобразностью, хотя вслѣдствіе этого возникаетъ плодотворное разнообразіе, а не спутывающее противорѣчіе. Если бы апостолы были люди худые, если бы въ ихъ сердцахъ былъ хотя малѣйшій отбѣнокъ духовной или нравственной лживости, то чистый потокъ истины былъ бы испорченъ худою примѣсью; но такъ какъ они были люди глубоко-искренніе и благородные, то индивидуальность, которою запечатлѣны слогъ и методъ каждаго изъ нихъ, составляетъ для насъ не потерю, а высокое приобрѣтеніе. Ни одинъ чловѣкъ (если только его способности не расширены до безконечности) не былъ бы способенъ представить для мірадь различныхъ душъ многостороннія истины открытія въ ихъ законченномъ совершенствѣ. Поэтому для чловѣчества было истиннымъ благодѣяніемъ то обстоятельство, что милосердый Богъ далъ намъ возможность слышать слово Божіе высказаннымъ не однимъ какимъ либо единичнымъ голосомъ, а многими благородными голосами и въ разнообразныхъ формахъ.

Изъ указаній св. ап. Павла мы видимъ, что двадцать лѣтъ спустя послѣ воскресенія (около 52 г. по Р. Хр.), три верховные апостолы во время его сношеній съ ними, находились въ Іерусалимѣ и считались еще главными представителями іудейскаго христіанства. Но ихъ іудейскія симпатіи чувствовались въ весьма различной степени. Св. Іаковъ представлялъ христіанство съ его наиболѣе рѣзкой іудейской стороны, причемъ онъ хотя и одухотворялъ его нравственное ученіе, но скорѣе лишь предполагалъ, чѣмъ излагалъ его наиболѣе отличительныя истины. Онъ писалъ совершенно такъ, какъ только и можно было бы ожидать отъ чловѣка, который былъ назорей, епископъ церкви іерусалимской, ежедневно посѣщавшій храмъ, чловѣкъ, пользовавшійся высочайшей репутаціей среди самихъ іудеевъ и болѣе чверти столѣтія жившій въ центрѣ наиболѣе сильныхъ іудейскихъ вліяній. Онъ былъ признанный вождь тѣхъ обращенцевъ, которые менѣе всего хотѣли порывать связь съ левитскимъ закономъ и преданіями отцовъ. Св. ап. Петръ съ другой стороны все болѣе удалялся отъ представительства болѣе узкой фазы іудейскаго христіанства и, по мѣрѣ хода исторіи и жизни, болѣе и болѣе становился апостоломъ церкви каволической. Та боязливость, ко-

торая въ его природномъ темпераментѣ столь чудесно перемѣжалась съ мужествомъ; та пластичность, которая давала его дѣйствіямъ іудейскій оттѣнокъ въ теченіе всего того времени, пока онъ былъ окруженъ старѣйшинами въ Іерусалимѣ или посланными, приходившими отъ Іакова въ Антиохію,—были причиной того, что онъ долго считался со стороны обращенныхъ іудеевъ (несомнѣнно противъ своей собственной воли) вождемъ партіи. Тѣмъ не менѣе онъ былъ однимъ изъ первыхъ, которые поняли вселенскій характеръ евангельскаго благовѣстія, и съ ревностью выступилъ на поддержку трудовъ и усилій св. ап. Павла съ цѣлью освобожденія язычниковъ отъ подзаконнаго ига. И когда онъ началъ свое миссіонерское путешествіе, то его міросозерцаніе расширялось болѣе и болѣе, такъ что онъ, какъ мы видимъ изъ его посланій, уже безъ всякаго ограниченія принималъ апостольскую проповѣдь ап. Павла. Когда мы сопоставимъ христіанское ученіе, какъ оно излагается въ посланіяхъ св. Іакова и ап. Павла, то найдемъ въ нихъ какбы противоположныя, но въ сущности дополняющія одна другую истины, именно такъ, какъ это необходимо было для полного пониманія католической истины въ ея многообразной приложимости къ человѣческимъ потребностямъ. Ап. Петръ занимаетъ посредствующее и примирительное положеніе между этими двумя апостолами: онъ болѣе прогрессивенъ, чѣмъ св. Іаковъ, менѣе самобытенъ и независимъ, чѣмъ ап. Павелъ. Но выразить конечное слово христіанскаго откровенія, положить, такъ сказать, великій краеугольный камень, который былъ еще нуженъ для завершенія и укрѣпленія величественнаго свода истины, было предоставлено въ качествѣ особенной чести „возлюбленному ученику“ Спасителя. И это было именно завершающимъ дѣломъ того преклоннаго возраста, который, какъ особенное благословеніе для церкви Христовой, былъ особенно продолженъ для апостольскаго свидѣтеля зари втораго столѣтія христіанской церкви ³⁾.

Но въ лицѣ св. ап. Іоанна мы видимъ также то возрастаніе духовнаго просвѣщенія, которое сдѣлало его жизнь непрерывнымъ воспитаніемъ. Въ его позднѣйшихъ сочиненіяхъ мы находимъ болѣе глубокое проникновеніе въ истины, чѣмъ какое возможно было для него прежде, чѣмъ Богъ, не „показалъ ему всѣхъ вещей въ медленномъ созрѣваніи исторіи“. „Сынъ громовъ“, какимъ онъ является въ синоптическихъ евангеліяхъ, долженъ былъ еще поучаться въ теченіе многихъ лѣтъ, прежде чѣмъ онъ могъ сдѣлаться святымъ апостоломъ Іоанномъ, которому на островѣ Патмосѣ сообщено было таинственное откровеніе (Апокалипсисъ). Ап. Іоаннъ, видѣвшій откровеніе, долженъ былъ еще въ теченіе многихъ лѣтъ поучаться и быть свидѣтелемъ паденія Іерусалима,